

Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса*

Владислав Старженецкий, Валерия Бутырина, Юлия Драгунова**

В данной статье авторы анализируют формирующиеся подходы российских судов (Конституционного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции) по квалификации отношений, связанных с экономическими санкциями, введенными западными государствами в отношении России в 2014 году. Российские суды исходят из того, что указанные экономические санкции являются незаконными с точки зрения международного права; по этой причине действие иностранных правовых предписаний и соответствующих положений коммерческих контрактов, направленных на исполнение санкционных ограничений, блокируется на территории России на основании норм о защите публичного порядка. В этом контексте судебную практику можно рассматривать как продолжение общей государственной политики России, направленной на отрицание легитимности односторонних ограничительных мер экономического характера, которые вводятся в обход компетенции Совета Безопасности ООН и которые считаются недружественными действиями со стороны иностранных государств, представляющими угрозу суверенитету России. В то же время в ряде случаев российские суды стараются смягчить негативные юридические последствия от действия санкций для российского и зарубежного бизнеса в отечественной юрисдикции. Судебная практика находится в поиске сбалансированных подходов применительно к ответственности за соблюдение иностранных санкций частными лицами, достаточно нейтрально относится к положениям в контрактах, направленных на предупреждение коллизий, вызванных экономическими санкциями (антисанкционным оговоркам), а также в целом придерживается справедливых правовых решений, основанных на разграничении вопросов предпринимательского риска и влияния объективных обстоятельств на поведение частных лиц, в ситуациях, когда невыполнение обязательств было вызвано санкционными ограничениями.

→ *Экономические санкции; контрсанкции; форс-мажор; существенное изменение обстоятельств; антисанкционные оговорки; публичный порядок*

DOI: 10.21128/2226-2059-2018-4-126-139

1. Введение

В 2014 году Европейским Союзом и многими западными государствами были введены различные экономические санкции¹ в отношении Российской Федерации и российских фи-

зических и юридических лиц, включающие среди прочего запрет на осуществление финансовых операций, торговлю товарами, оказание услуг, передачу технологий². С учётом

* Статья написана с использованием СПС «КонсультантПлюс».

** *Старженецкий Владислав Валерьевич* — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: vstarzhenetskiy@hse.ru); *Бутырина Валерия Андреевна* — стажер-исследователь научно-учебной лаборатории исследований в области защиты государственных интересов в условиях экономических санкций НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: vabutyrina@edu.hse.ru); *Драгунова Юлия Валерьевна* — магистрант факультета права НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: yuvdragunova@edu.hse.ru).

¹ Здесь и далее термин «экономические санкции» используется для обозначения ограничительных мер экономического характера, вводимых иностранными государствами и международными организациями.

² См., в частности: Решение Совета Европейского Союза 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 года «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или угрожающих территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины». URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0016:0021:EN:PDF> (дата обращения: 07.11.2018); Решение Совета Европейского Союза 2014/386/CFSP от 23 июня 2014 года «Об ограничительных мерах на товары, происходящие из Крыма или Севастополя, в ответ на незаконную аннексию Крыма и Севастополя». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:>

активного участия российских хозяйствующих субъектов в трансграничных торгово-экономических отношениях, а также значительного присутствия многих западных компаний на российском рынке это не могло не повлиять на уже сложившиеся частноправовые взаимоотношения, заключённые контракты и будущее сотрудничество российских лиц с зарубежными контрагентами.

Ни для кого не секрет, что применение санкций в частноправовой сфере вызывает массу сложных и комплексных вопросов, которые активно обсуждаются в российской и зарубежной юридической литературе³. Национальные и международные суды⁴ также вы-

нуждены давать квалификацию многим спорным моментам, связанным с правомерностью и влиянием экономических санкций на хозяйственный оборот. Не остались в стороне и российские суды. К настоящему моменту они рассмотрели «критическую массу» дел, судебные решения по которым уже позволяют говорить о складывающихся подходах и тенденциях в российской правоприменительной практике.

В данной статье мы постараемся через призму судебной практики систематизировать основные правовые проблемы, возникающие в связи с экономическими санкциями, проследить складывающиеся тенденции, а также обозначить правовые подходы, свойственные российской правовой системе в исследуемой сфере.

2. Правовая квалификация экономических санкций

Хорошо известно, что Российская Федерация является последовательным критиком концепции односторонних ограничительных мер экономического характера, которые вводятся в обход компетенции Совета Безопасности ООН⁵. Данные меры считаются недружественными действиями со стороны иностранных государств, представляющими угрозу территориальной целостности или направленными на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации⁶.

32014D0386&from=EN (дата обращения: 07.11.2018); Решение Совета Европейского Союза 2014/512/CFSP от 31 июля 2014 года «Об ограничительных мерах в отношении действий России, направленных на дестабилизацию ситуации на Украине» (вводящие секторальные санкции). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:JOL_2014_229_R_0003&from=EN (дата обращения: 07.11.2018); Исполнительный приказ Президента Соединённых Штатов Америки 13660 от 6 марта 2014 года «О блокировке собственности дополнительных лиц, способствующих ситуации в Украине». URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf (дата обращения: 07.11.2018); Исполнительный приказ Президента Соединённых Штатов Америки 13662 от 24 марта 2014 года «О блокировке собственности дополнительных лиц, способствующих ситуации в Украине», вводящий секторальные санкции. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf (дата обращения: 07.11.2018); Исполнительный приказ Президента Соединённых Штатов Америки 13685 от 19 декабря 2014 года «О блокировке собственности отдельных лиц и о запрете некоторых сделок в отношении Крымской области Украины». URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo4.pdf (дата обращения: 07.11.2018).

³ См., например: Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы : сб. статей / под ред. С. В. Гландина, М. Г. Дораева. М. : Инфотропик Медиа, 2018; Бахин С. В., Ерёмко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175; Савельев А. И. Односторонние экономические санкции США: взгляд со стороны американского и российского права // Закон. 2015. № 5. С. 108–131; Lin T. C. W. Financial Weapons of War // Minnesota Law Review. Vol. 100. 2016. No. 4. P. 1377–1440; Caytas J. Sanctions, Real and Imaginary: Experiences with Russia in the Ukraine Crisis // Amsterdam Law Forum. Vol. 9. 2017. No. 2. P. 26–47. URL: <http://amsterdamlawforum.org/article/view/379/548> (дата обращения: 10.11.2018); Handbook of Export Controls and Economic Sanctions / ed. by K. C. Georgi, P. M. Lalonde. Chicago, IL : ABA Section of International Law, 2013.

⁴ См., например: Court of Justice of the European Union. *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others*. Case C-72/15. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 28 March 2017; *Arkady Romanovich Rotenberg v. Council of the European Union*. Case T-720/14. Judgment of the General Court (Ninth Chamber) of 30 November 2016; *Bank for Development and Foreign Economic Affairs (Vnesheconombank) v. Council of the European Union*. Case T-737/14. Judgment of the General Court (Sixth Chamber) of 13 September 2018.

⁵ См., например: Стенографический отчёт о пленарном заседании Петербургского международного экономического форума с участием В. В. Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21080> (дата обращения: 07.11.2018); Большая пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250> (дата обращения: 07.11.2018); Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН министерского уровня по проблематике безопасности урегулирования, Нью-Йорк, 27 сентября 2018 года. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3354592 (дата обращения: 07.11.2018); Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Председателя Государственного Совета и Совета Министров Республики Куба М. Диас-Канеля Бермудеса об общих подходах в международных делах. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5354> (дата обращения: 07.11.2018); Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 8 февраля 2018 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3062808 (дата обращения: 07.11.2018).

⁶ Статья 1 Федерального закона от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружествен-

В связи с этим довольно закономерным выглядит подход, отраженный в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (*далее* — КС России) от 13 февраля 2018 года № 8-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ», посвящённом проблеме параллельного импорта.

КС России отметил, что экономические санкции устанавливаются «вне надлежущей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация»⁷. Иными словами, с точки зрения международного и российского права, экономические санкции, введённые иностранными государствами в отношении России и российских лиц, являются незаконными *per se*.

В этом ключе, по всей видимости, необходимо рассматривать и зеркальную возможность России прибегать к подобным ограничительным мерам со своей стороны и по своей инициативе. Исходя из позиции КС России, такие действия будут противоречить международному праву, и Россия должна воздерживаться от использования экономических санкций в отношениях с иностранными суверенами и международными организациями, включая введение односторонних запретов и ограничений для соответствующих физических и юридических лиц.

Однако вряд ли такая же логика применима в случае с так называемыми «контрсанкциями»⁸. Хотя КС России не затрагивал дан-

ную проблему, с международно-правовой точки зрения, квалификация и детальная правовая регламентация российских контрсанкций также является очень актуальной, так как довольно много вопросов возникает в связи с тем, какие конкретно условия и критерии должны приниматься в расчёт (в частности, необходимость, пропорциональность, временные рамки подобных мер, возможность индивидуальных исключений, вопросы причинно-следственной связи).

Принципиальная позиция России заключается в том, что ограничения, вводимые ею в ответ на санкции со стороны иностранных государств, не считаются нарушением международных обязательств, равно как и положений российского права, так как являются специальными экономическими мерами⁹, которые применяются в случаях, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации. Такую интерпретацию дал Верховный Суд России в своём решении от 11 ноября 2014 года № АКПИ14-1124¹⁰ по делу об оспаривании введённых «контрсанкций» открытым акционерным обществом «Мурманский рыбокомбинат», которое считало, со своей стороны, что введение соответствующих запретов на импорт продовольственных товаров противоречит основным целям государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, способствует росту цен в Российской Федерации для потребителя, банкротству и ликвидации сотен перерабатывающих заводов в Российской Федерации, смещению потоков сырья из города Мурманска и города Санкт-

ные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств».

⁷ К сожалению, КС России не привёл развёрнутой мотивировки по данному аргументу и не указал, каким именно договорам и международным обязательствам противоречат экономические санкции.

⁸ См. указы Президента РФ: от 6 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»; от 24 июня 2015 года № 320 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»; от 29 июня 2016 года № 305 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»; от 30 июня 2017 года № 293 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». См. также: Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 года

№ 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560, от 24 июня 2015 года № 320, от 29 июня 2016 года № 305 и от 30 июня 2017 года № 293».

⁹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах».

¹⁰ Решение Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 года № АКПИ14-1124 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим перечня сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединённые Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия и которые сроком на один год запрещены к ввозу в Российскую Федерацию, утв. Постановлением Правительства РФ от 7 августа 2014 года № 778».

Петербурга в Белоруссию и последующему вывозу в Российскую Федерацию готовой продукции, а также нарушает права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В указанном решении Верховный Суд России отметил, что ответные меры были приняты Правительством Российской Федерации в пределах своих полномочий и что суды не вправе обсуждать вопрос о целесообразности принятия органом или должностным лицом оспариваемого акта, поскольку это относится к исключительной компетенции органов государственной власти Российской Федерации. Суд также указал, что запрет на ввоз на территорию Российской Федерации сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия не препятствует ОАО «Мурманский рыбокомбинат» приобретать для переработки живую рыбу у российских производителей либо ввозить её из государств, на которые «контрсанкции» не распространяются.

3. Действие норм иностранного права об экономических санкциях в российской правовой системе

Очевидно, что в силу императивных норм своего законодательства иностранные компании, ведущие бизнес с российскими лицами или на территории России, обязаны соблюдать те ограничения, которые на них наложены и которые имеют экстерриториальный эффект. Это, в свою очередь, может подразумевать как обязанность воздерживаться от совершения соответствующих сделок с российскими компаниями, операций на российском рынке, так и осуществление активных действий, направленных на соблюдение установленного санкционного режима (получение необходимых разрешений, согласований, лицензий от компетентных органов, внедрение внутренних процедур комплаенс-контроля, принятие соответствующих политик на уровне компаний). Зачастую у иностранных лиц просто нет иного выбора, так как за несоблюдение норм об экономических санкциях установлена административная или даже уголовная ответственность. В связи с этим неудивительно, что многие внешнеэкономические контракты содержат развёрнутые положения, направленные на предотвращение возмож-

ных конфликтных ситуаций, связанных с экономическими санкциями.

При этом сложность состоит в том, что здесь мы имеем дело с ситуацией, когда юрисдикции разных государств по вопросам регулирования внешнеэкономических отношений пересекаются, а правовые предписания, установленные для бизнеса, носят взаимоисключающий характер. Может возникнуть ситуация, когда иностранной компании, а также её дочерним лицам необходимо будет отстаивать свои интересы, связанные с необходимостью соблюдения императивных норм иностранного законодательства, но уже на территории Российской Федерации и в российском суде. Например, когда речь идёт о сделках на территории Российской Федерации, которые запрещены законодательством иностранного государства, а также соответствующим контрактом между иностранной компанией и российским лицом (в частности, несанкционированная перепродажа товара или предоставление прав третьим лицам). Смогут ли иностранная компания или её дочерние лица добиться в российском суде удовлетворения своих требований, основанных на необходимости экстерриториального соблюдения иностранных экономических санкций?

Именно такая ситуация стала предметом оценки российских судов в делах с участием компаний группы «Сименс». В первом деле¹¹ немецкий концерн «Сименс АГ» и ООО «Сименс технологии газовых турбин» (*далее* — «СТГТ») подали иск против ОАО и ООО «Технопромэкспорт» (*далее* — «ТПЭ») в Арбитражный суд города Москвы о признании недействительным контракта 2015 года на поставку четырёх газовых турбин, заключённого между «СТГТ» (совместным предприятием немецкого концерна «Сименс АГ» и «Силовых машин») и ОАО «ТПЭ», а также договора купли-продажи ОАО «ТПЭ» с ООО «ТПЭ», по которому газовые турбины были поставлены в Крым. «Сименс АГ» и «СТГТ» также требовали применения последствий недействительности сделок в виде возврата спорных турбин поставщику.

В суде истцы настаивали на том, что обе структуры «Ростеха» незаконно поставили газотурбинные установки на территорию Крымского полуострова, которые по контракту бы-

¹¹ Дело № А40-126531/17-68-571.

ли закуплены для технологически схожего проекта в Тамани в Краснодарском крае. Контракт на поставку четырёх газовых турбин ООО «СТГТ» заключило с ОАО «ТПЭ». Однако впоследствии газовые турбины были выкуплены ООО «ТПЭ», осуществляющим строительство электростанций, используемых исключительно для электроснабжения энергосистемы полуострова Крым. В соответствии с санкционными ограничениями в оспариваемом контракте был закреплён запрет на использование оборудования в иных местоположениях, помимо указанных в контракте. Истцы также утверждали, что контракт был заключён с ОАО «ТПЭ» под влиянием обмана и существенного заблуждения, так как ОАО «ТПЭ» сообщило ООО «СТГТ» недостоверную информацию и нарушило условия контракта, содержащие антисанкционные гарантии. Так, если бы ООО «СТГТ» знало, что поставляемые турбины будут использованы не на территории, предусмотренной контрактом, а в Крыму, то не заключило бы оспариваемый контракт, а «Сименс АГ» не допустил бы поставку оборудования ООО «СТГТ».

В декабре 2017 года Арбитражный суд города Москвы отклонил требования¹² концерна «Сименс АГ» и ООО «СТГТ», посчитав недоказанным факт совершения ООО «СТГТ» сделки под влиянием существенного заблуждения либо обмана со стороны ответчиков и преднамеренного создания ответчиками «не соответствующего действительности представлени[я] о характере сделки, её условиях, личности участников, предмете, других обстоятельствах, которые повлияли на решение истца заключить оспариваемый контракт». Данное решение было поддержано судами апелляционной¹³ и кассационной¹⁴ инстанций, а также Верховным Судом России¹⁵.

Истцом во втором деле¹⁶ выступало совместное предприятие «СТГТ», подавшее иск

против ОАО «ТПЭ» и ООО «ТПЭ» в Арбитражный суд города Москвы о признании недействительным контракта 2015 года на поставку четырёх газовых турбин, заключённого «СТГТ» с ОАО «ТПЭ», и об истребовании имущества из незаконного владения ООО «ТПЭ». В этом деле истец также ссылался на заключение сделки под влиянием обмана и существенного заблуждения. Так, по словам истца, ОАО «ТПЭ» обмануло его, предоставив заверения об использовании оборудования исключительно на территории Таманского полуострова, при этом изначально намереваясь устанавливать оборудование на электростанциях, расположенных на территории полуострова Крым, о чём недобросовестно умолчало. По словам истца, если бы он знал о данных обстоятельствах заранее, то не стал бы заключать оспариваемый контракт, так как фактическое исполнение обязательств противоречит экономическим санкциям, введённым Европейским Союзом (*далее* — ЕС) против России.

10 января 2018 года Арбитражный суд города Москвы отказал¹⁷ в удовлетворении иска по аналогичным основаниям, что и в первом деле. Данное решение было также поддержано судами апелляционной¹⁸ и кассационной¹⁹ инстанций, а также Верховным Судом России²⁰.

В отличие от первого дела, в рамках которого суды ограничились только квалификацией отношений по российскому обязательственному праву, суды дали отдельную оценку доводам истца (российской компании) о том, что у него существует обязанность соблюдать экспортные ограничения, наложенные Европейским Союзом, в части поставок оборудования в Крым. Рассматривая данный аргумент истца, суды первой и апелляционной инстанций подчеркнули, что «*последствием удовлетворения требований истца являлось бы де-юре применение экономических санкций, введённых Европейским Союзом, на территории Российской Федерации...*

¹² См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 21 декабря 2017 года по делу № А40-126531/17-68-571.

¹³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2017 года № 09АП-51432/2017 по делу № А40-126531/17; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 марта 2018 года № 09АП-5140/2018 по делу № А40-126531/17.

¹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июня 2018 года по делу № А40-126531/17.

¹⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 15 октября 2018 года № 305-ЭС18-16082 по делу № А40-126531/17.

¹⁶ Дело № А40-171207/17-111-1562.

¹⁷ Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 года по делу № А40-171207/17-111-1562.

¹⁸ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2018 года № 09АП-9815/2018 по делу № А40-171207/2017.

¹⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 июня 2018 года по делу № А40-171207/2017.

²⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2018 года № 305-ЭС18-16459 по делу № А40-171207/2017.

что явно противоречило бы публичному порядку Российской Федерации, нанося ущерб суверенитету государства». Суды также отметили со ссылкой на статью 1193 ГК РФ, что общие начала применения иностранного права на территории Российской Федерации не предусматривают обязанность исполнения российских юридическими лицами запретов (экспортных ограничений), введённых международными организациями или иностранными государствами против Российской Федерации.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что применение норм иностранного права об экономических санкциях в российской правовой системе будет невозможным и будет автоматически блокироваться в силу противоречия российскому публичному порядку (статья 1193 ГК РФ). В ситуации, когда суд устанавливает, что действия стороны судебного разбирательства продиктованы необходимостью соблюдать эмбарго и/или торговые ограничения иностранного государства против Российской Федерации, он в первую очередь защищает свой внутренний публичный порядок и отказывается признавать такие притязания законными и достойными судебной защиты.

4. Ответственность за соблюдение иностранных экономических санкций

Следующим проблемным вопросом является широко обсуждаемая в настоящее время²¹ возможность привлечения иностранных и российских лиц к ответственности за соблюдение иностранных экономических санкций. Если исходить из того, что экономические санкции являются незаконными с точки зрения международного и российского права, а их действие противоречит российскому публичному порядку, то такая постановка вопроса вполне закономерна. Является ли соблюдение иностранных экономических санкций противоправным деянием, за которое предусмотрена ответственность с точки зре-

ния российского права? Могут ли лица, пострадавшие от иностранных экономических санкций, обращаться в российские суды и требовать возмещения причиненного вреда?

В этом вопросе судебная практика не даёт однозначного ответа.

С одной стороны, имеется судебная практика, когда суды отказывались привлекать к ответственности за действия, вызванные необходимостью соблюдать санкции. В качестве примера можно привести дело Москвкина А. В. к ООО «Мастеркард» о взыскании компенсации морального вреда, возникшего, по мнению истца, в связи с тем, что платёжная система «Мастеркард» в одностороннем порядке прекратила оказание платёжных услуг клиентам банка истца. В данном деле истец являлся держателем карты MasterCard, выданной ОАО «СМП-Банк». После введения США экономических санкций в отношении России и российских лиц в марте 2014 года участие указанного банка в платёжной системе «Мастеркард» было приостановлено, в связи с чем физическое лицо, являвшееся держателем карты, не смогло совершить необходимые покупки с помощью банковской карты. В данном деле суды отказались²² привлекать к ответственности российское юридическое лицо и иностранную компанию, указав на то, что в действиях ответчика нет вины, так как прекращение оказания платёжных услуг было связано с приостановлением лицензии ОАО «СМП-Банк» головной американской компанией ввиду наложения санкций указом президента США. Схожее решение было вынесено Ленинским районным судом города Севастополя 9 апреля 2015 года по делу № 2-1214/2015 по иску Мишина Д. А. к компании «Гугл ЛТД» и иным лицам из-за блокировки сервисов «Google Play» на территории Крыма вследствие санкций, введённых США. В данном деле суд сослался на особенности предоставления доступа к сервису «Google Play» согласно Условиям предоставления услуг, которые прямо допускали возможность соответствующих ограничений.

С другой стороны, если обратиться к постановлению КС России № 8-П от 13 февра-

²¹ См.: Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в целях обеспечения реализации Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 07.11.2018).

²² См.: Решение Мещанского районного суда города Москвы от 15 октября 2014 по делу № 2-13647/2014; Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2015 по гражданскому делу № 33-901.

ля 2018 года, мы увидим иной подход, в соответствии с которым поведение иностранных правообладателей, которые следуют режиму санкций и отказываются поставлять товары на российский рынок, по мнению КС России, «может само по себе рассматриваться как недобросовестное», а значит, и противоправное.

Если предположить, что приведенная правовая позиция не будет ограничиваться сферой защиты интеллектуальной собственности и может быть по аналогии распространена на иные сферы гражданско-правовых отношений (например, внешнеторговые договоры, оказание финансовых, страховых, и иных услуг, корпоративные отношения), то подход, предложенный КС России, создаёт основания для преследования в гражданско-правовом порядке всех, кто соблюдает экономические санкции, введённые западными странами против Российской Федерации, включая российских лиц.

Такой подход, очевидно, поднимает множество вопросов. Ведь отказ в совершении соответствующих хозяйственных операций в рассматриваемых условиях является для российского и иностранного бизнеса вынужденной мерой в ущерб себе, на которую он повлиять не может, рискуя попасть под уголовное или административное преследование в тех юрисдикциях, которые ввели экономические санкции. Можно ли в этом контексте автоматически квалифицировать поведение хозяйствующих субъектов в качестве недобросовестного или злостного?

Представляется, что такой вывод был бы слишком большим упрощением и вряд ли может служить общим правилом для всех ситуаций, так как, во-первых, может спровоцировать сворачивание деятельности или максимальное ограничение присутствия иностранного бизнеса на российском рынке, во-вторых, из-за широты и неопределённости термина «соблюдение санкций» сделает невозможным использование российскими лицами обычных бизнес-практик, направленных на минимизацию ущерба, возникшего от введения иностранных экономических санкций (в частности, использование антисанкционных оговорок, антисанкционный комплаенс, прекращение операций, адаптация или расторжение договоров с учётом новых обстоятельств и иное). Кроме этого, представляется,

что такой подход не вполне согласуется и с общими нормами российского гражданского права, которое относит введение иностранным государством запретов и ограничений в области предпринимательской деятельности, осуществления валютных операций, а также иных ограничительных и запретительных мер, действующих в отношении Российской Федерации или российских хозяйствующих субъектов, если такие меры повлияли на выполнение указанными лицами обязательств по внешнеторговым сделкам, к обстоятельствам непреодолимой силы (форс-мажору)²³.

Оптимальным решением представляется разработка специальных норм или процедур, которые позволят проводить комплексный анализ сложившейся ситуации применительно к каждому конкретному случаю.

5. Действительность антисанкционных оговорок

Предприниматели в частноправовых отношениях между собой, уважая публично-правовые предписания, действующие в своих национальных юрисдикциях, сами могут договориться о гибких и сбалансированных путях решения проблем, вызванных экономическими санкциями. Довольно распространённым в настоящее время является включение в контракт антисанкционных оговорок или пунктов о противоправности, которые основаны на лучших международных практиках, в частности пунктах 3.3.1–3.3.2 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 года. Данные положения внешнеэкономических договоров могут подразумевать ограничение прав и обязательств сторон, имеющие своей целью адаптацию договора к публично-правовым предписаниям, включая экономические санкции, а также распределение соответствующих рисков между сторонами в случае введения санкций.

В связи с этим возникает вопрос, законна ли такая практика в свете того, что соблюдение иностранных экономических санкций по-

²³ См., например: Пункт 2.2 Положения о порядке свидетельства Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к Постановлению правительства ТПП РФ от 23 декабря 2015 года № 173-14).

тенциально может являться противоправным деянием, как это было описано в предыдущем разделе.

Именно в таком ключе правовая проблема и была поставлена перед российскими судами во встречном иске в рамках дела № А40-126531/17-68-571 Арбитражного суда города Москвы. В своём встречном иске ОАО и ООО «ТПЭ» требовали признать ничтожными три пункта контракта 2015 года на поставку четырёх газовых турбин, заключённого между «СТГТ» и ОАО «ТПЭ», обязывающие ОАО «ТПЭ»: 1) сделать конечной точкой назначения оборудования страну или площадку, где строится объект; 2) устанавливать оборудование только на энергоблоках, подсоединённых к сетям Краснодарского края; а также пункт, 3) освобождающий поставщика от обязанности исполнять свои обязательства по сделке, если это исполнение затрудняется ограничениями, в том числе санкциями, введёнными США, ЕС, ООН и Россией²⁴.

В обоснование своих встречных исковых требований ОАО «ТПЭ» и ООО «ТПЭ» заявили, что единственная цель включения данных пунктов в контракт связана с соблюдением санкций, введённых ЕС против России. По их мнению, спорные пункты ничтожны как часть сделки, совершённой с целью, противоречащей основам правопорядка (статья 169 ГК РФ), а также противоречат запрету на действия, наносящие ущерб суверенитету Российской Федерации, принципам единства экономического пространства и свободного перемещения товаров на территории Российской Федерации, а следовательно, Конституции РФ. Таким образом, истцы по встречному иску считали, что спорные пункты нарушают требования законодательства и посягают на публичные интересы, права и охраняемые законом интересы третьих лиц (пункт 2 статьи 168 ГК РФ).

Однако суды не нашли правовых оснований для удовлетворения встречного иска, указав, что при заключении контракта стороны выразили свободное волеизъявление, впоследствии исполняли свои обязательства по

контракту, а оспариваемые положения последовали вполне законные цели: учёт в своей деятельности возможных публично-правовых ограничений, что позволяет участникам гражданских отношений совершать действия в соответствии с нормами действующего законодательства; обеспечение определённых технических характеристик оборудования и возможности его эксплуатации в течение гарантийных сроков в соответствии с установленными в договоре параметрами (применительно к указанию пункта назначения и условий подключения оборудования к сетям на электростанциях конкретной компании).

Примечательно, что суд кассационной инстанции в своём постановлении от 21 июня 2018 года прямо отметил, что отказ нижестоящих судов в удовлетворении встречного иска (как и изначального иска о признании сделки недействительной) фактически направлен на соблюдение баланса интересов субъектов предпринимательской деятельности и принципа правовой определённости, а также основан на общих принципах справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из недобросовестного поведения.

Описанная позиция судов в отношении действительности антисанкционных оговорок представляется достаточно осторожной и сбалансированной, нацеленной на сохранение *status quo* между сторонами договора. Можно согласиться с тем, что при включении подобных оговорок в контракт стороны не преследуют злого умысла, а их действия обусловлены вполне рациональными бизнес-интересами.

Проблема здесь, на наш взгляд, лежит в другой плоскости: как будут реализовываться эти контрактные предписания на практике с учётом того, что российские юридические лица не обязаны соблюдать запреты (экспортные ограничения), введённые международными организациями или иностранными государствами против России (см. раздел 1 настоящей статьи)? Ведь в этом случае действие и принудительная реализация закреплённых в антисанкционных оговорах условий, гарантий, прав и обязанностей сторон по договору могут быть полностью или частично заблокированы со ссылкой на публичный порядок Российской Федерации. Это может случиться на стадии исполнения договора, судебного или арбитражного разбирательства в Рос-

²⁴ См.: Фадеева А., Маринин В. «Дочка» «Ростеха» нашла в договоре с Siemens угрозу суверенитету России // РБК. 2017. 18 октября. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/10/2017/59e6ed229a79472f395815b1> (дата обращения: 07.11.2018).

сийской Федерации или на стадии признания и исполнения иностранного судебного или арбитражного решения в Российской Федерации.

6. Неблагоприятные юридические последствия для иностранных компаний

Другая правовая проблема, выявленная российской судебной практикой, заключается в том, что иностранные компании, следующие режиму введённых против Российской Федерации экономических санкций, с точки зрения российского правопорядка также могут претерпевать различные негативные последствия. До сих пор эта проблема касалась в основном вопросов охраны интеллектуальной собственности, но с принятием Федерального закона от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств», который содержит открытый перечень мер воздействия в ответ на недружественные действия (статья 2 данного Закона), она может распространиться и на другие сферы экономической деятельности.

Центральным судебным актом по данной теме является постановление КС России № 8-П от 13 февраля 2018 года, в котором КС России сформулировал подход, позволяющий нейтрализовать «недобросовестное поведение» правообладателей, соблюдающих режим экономических санкций против Российской Федерации и препятствующих ввозу в Российскую Федерацию соответствующей продукции, маркированной товарным знаком. В таком случае КС России нацеливает на использование гражданско-правовых институтов противодействия злоупотреблению правом, что предполагает правомочие суда полностью или частично отказать в иске либо снизить размер неблагоприятных последствий (в частности, суммы компенсации за нарушение исключительных прав или убытков) для другой стороны спора. В данной конструкции права на интеллектуальную собственность хотя формально и будут признаваться за правообладателем, но они уже не смогут полноценно и эффективно реализовываться в российской правовой системе, если будет доказана связь между поведением правооб-

ладателя и режимом санкций против Российской Федерации.

Ещё одним проблемным аспектом с точки зрения охраны интеллектуальной собственности является тот факт, что иностранные правообладатели в силу санкционного режима в отношении Российской Федерации или российских контрсанкций могут оказаться не в состоянии использовать свои права на результаты интеллектуальной деятельности в силу имеющихся запретов на экспорт/импорт товаров и технологий. Особенно актуально это может быть для товарных знаков и патентов. Исходя из положений статьи 1486 ГК РФ правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно вследствие неиспользования товарного знака в течение трёх лет. А согласно статье 1362 ГК РФ, если изобретение или промышленный образец не используется либо недостаточно используется патентообладателем в течение четырёх лет со дня выдачи патента, а полезная модель — в течение трёх лет со дня выдачи патента, то любое лицо, желающее и готовое использовать такие изобретение, полезную модель или промышленный образец, вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной лицензии.

Данная проблема рассматривалась Судом по интеллектуальным правам (*далее* — СИП) в деле № СИП-601/2017²⁵ в связи с обращением АО «ДАНОН РОССИЯ» с иском о прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования. Представитель ответчика, в свою очередь, против удовлетворения иска возражал и указывал на тот факт, что был лишён возможности использовать товарный знак на территории Российской Федерации ввиду введённых запретов на импорт товаров, произведённых на территории ЕС в соответствии с Указом Президента РФ от 6 августа 2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

При рассмотрении данного дела СИП установил, что ответчик, как производитель молочной продукции страны, входящей в со-

²⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2018 года по делу № СИП-601/2017.

став ЕС, был лишён права на импорт молочной продукции на территорию Российской Федерации не по своей воле и не использовал товарный знак по не зависящим от него обстоятельствам, что является уважительной причиной, препятствующей досрочному прекращению охраны товарного знака.

Как мы видим, российские суды придерживаются дифференцированного подхода в отношении распространения на иностранные компании неблагоприятных юридических последствий, связанных с экономическими санкциями, и принимают во внимание различные обстоятельства, позволяющие им учитывать баланс публичных и частных интересов.

7. Влияние экономических санкций на внутренние правоотношения

Бесспорно, экономические санкции оказывают влияние не только на трансграничные отношения между российскими и иностранными компаниями. В связи с взаимозависимостью многих экономических процессов и интегрированностью российского бизнеса в глобальные цепочки поставок санкции могут негативно затронуть и внутренние отношения между российскими лицами. Это хорошо показывает судебная практика, где наблюдается большое количество споров о невыполнении контрактных и иных обязательств, тем или иным образом спровоцированных санкционными ограничениями.

В такого рода делах перед судами возникает проблема разграничения, с одной стороны, обычного предпринимательского риска, ответственность за который полностью несут хозяйствующие субъекты, и объективных обстоятельств, позволяющих освободить последних от ответственности или в некоторых случаях пересмотреть существующие гражданско-правовые обязательства, с другой стороны.

Обычно предприниматели ссылаются на положения статьи 401 ГК РФ, предусматривающие освобождение от ответственности, если надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы (форс-мажора), а также на положения статьи 451 ГК РФ, допускающие изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

7.1. Экономические санкции и форс-мажор

Как уже отмечалось ранее, в российском порядке сложился подход, согласно которому введение иностранным государством запретов и ограничений в области предпринимательской деятельности относится к обстоятельствам непреодолимой силы (форс-мажору)²⁶. Однако введение соответствующих экономических санкций само по себе ещё не означает автоматического освобождения от ответственности, равно как и обострение внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки²⁷. Суды учитывают дополнительные критерии.

Введение экономических санкций должно носить чрезвычайный и непредотвратимый характер для лица²⁸, что исключает форс-мажор в ситуациях, когда договор заключается уже после их введения, так как лицо может и должно предвидеть вероятность возникновения препятствий в ходе его исполнения. Вступив в такие договорные отношения, сторона принимает на себя предпринимательский риск, в том числе риск невозможности исполнения договора. Соответственно, в таком случае основания для освобождения от ответственности в связи с появлением непреодолимой силы в виде санкций отсутствуют²⁹.

В другом деле, рассмотренном Верховным Судом Республики Крым³⁰, анализировался вопрос о привлечении к ответственности банка (ПАО «Российский национальный коммерческий банк», далее — РНКБ), включённого в иностранные санкционные списки, за

²⁶ См., например: Пункт 2.2 Положения о порядке свидетельства Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельству непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к Постановлению правления ТПП РФ от 23 декабря 2015 года № 173-14).

²⁷ См.: Выводы судов по делам № А14-11946/2014, № А40-113048/15.

²⁸ Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признаётся непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

²⁹ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 мая 2017 года № 09АП-16401/2017 по делу № А40-216894/16; постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2015 года № 16АП-4635/2015 по делу № А63-5765/2015.

³⁰ См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 18 июля 2017 года № 33-4888/2017.

неосуществление банковского перевода в долларах США. Денежная сумма была списана со счёта истца, однако денежные средства не были перечислены получателю. При обращении истца с требованием об осуществлении перевода либо возврате денежных средств, банк сослался на международные санкции и блокировку средств банком-посредником. Отклоняя довод ответчика об отсутствии вины, суд указал, что санкции против РНКБ, введённые ЕС 30 июля 2014 года, не освобождают ответчика от исполнения договора, поскольку на дату совершения операции с денежными средствами истца ответчику было известно о введённых санкциях, однако РНКБ не сообщил истцу о соответствующих рисках непоступления денежных средств на счёт получателя. В этой ситуации РНКБ принял на себя обязательства по перечислению денежных средств, и, следовательно, принял на себя соответствующие риски наступления нежелательных последствий³¹.

Если банки заблаговременно предупреждают своих клиентов об имеющихся рисках³² или если движение средств изначально блокируется без вины банка, а от самих хозяйствующих субъектов в соответствии со сложившейся практикой требуется осуществление определённых действий по разблокировке платежей³³, то суды освобождают банки от ответственности за неисполнение гражданско-правовых обязательств по договорам банковского счёта.

Суд может признать введение экономических санкций форс-мажором, если лицо при заключении и исполнении договора не могло этого предположить. Так, при рассмотрении дела о взыскании с АО «Научно-производ-

ственное объединение им. С. А. Лавочкина» неустойки за несвоевременное исполнение обязательства по государственному контракту 2012 года Арбитражный суд Московской области и вышестоящие инстанции, проанализировав фактические обстоятельства дела, пришли к выводу, что обязательства не были выполнены по причине запрета импорта в Российскую Федерацию электронной компонентной базы иностранного производства (аналогов которой не существовало в Российской Федерации) из-за введения санкций ЕС, что обладало характером чрезвычайности и непредотвратимости³⁴.

Аналогичная позиция была занята судами в другом деле, связанном с введением отраслевых санкций. Суды сошлись во мнении, что стороны и контрагент исполнителя в 2013 году не могли ни предвидеть, ни предотвратить ухудшение международной обстановки в 2014 году, введение отраслевых экономических санкций и возникновение проблем с поставкой иностранной продукции в ракетно-космической отрасли, которая не могла быть заменена аналогичными изделиями отечественного производства. Соответственно, просрочка исполнения обязательств произошла вследствие непреодолимой силы (форс-мажор) — обстоятельство, на которые сторона не могла оказать влияния и за возникновение которых не несёт ответственности³⁵.

В другом деле № А56-89542/2016³⁶, где сложилась конфликтная ситуация в связи с нарушением сроков поставки медицинского оборудования в Республику Крым, суды анализировали длительное ожидание контрагентом ответчика (производителем оборудования) экспортной лицензии от иностранного государства. В итоге суд принял во внимание экспертное заключение, согласно которому обстоятельства, препятствовавшие своевременному исполнению обязательств по поставке оборудования, произошли на территории Германии. В частности, производителю оборудования, исходя из новых «Правил экспорта», выпущенных Бюро промышленной безопасности Министерства торговли США

³¹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 18 июля 2017 года № 33-4888/2017.

³² Как это было сделано СМП-Банком, который своевременно направил своим клиентам соответствующие предостережения. См.: Определение Московского городского суда по делу № 4г/10-12474/16.

³³ В рамках дела А60-38121/2017 рассматривалась ситуация с блокировкой денежных средств (в долларах США), которые переводились со счёта в «Газпромбанке» через банк-корреспондент в США и впоследствии были заблокированы из-за действующих санкций в качестве подозрительного платежа. Суды установили, что для разблокировки данной суммы существовала определённая административная процедура, которую должен был инициировать клиент, подав заявление в Министерство финансов США, однако этого не сделал. Аналогичные выводы были сделаны судами по делу А56-56974/2017 и А40-222224/2016.

³⁴ См.: Дело № А41-73316/17.

³⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 июня 2018 года № Ф05-8376/2018 по делу № А40-70413/2017.

³⁶ Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2018 года № 307-ЭС18-11373 по делу № А56-89542/2016.

в 2016 году, следовало получить экспортную лицензию этого Бюро, поскольку 25 % составляющих оборудования произведены на территории США. По мнению эксперта, из-за введения экономических санкций в отношении России существенно осложнилась процедура лицензирования экспорта оборудования, увеличилось время выдачи экспортных лицензий для российских потребителей. Указанное не зависело от воли производителя оборудования и его официальных дилеров, а являлось обстоятельством непреодолимой силы, которое не позволило компании «Сименс АГ» и обществу «Сименс Здравоохранение» выполнить обязательства перед обществом «ВТС» (ответчиком в деле), которое в итоге было освобождено от ответственности перед другим российским лицом на основании статьи 401 ГК РФ.

При оценке непредотвратимости экономических санкций перестают быть форс-мажором, если товары и услуги не являются уникальными и могут быть заменены на иные аналогичные российского или иностранного производства. Так, в одном из дел суд отклонил довод ответчика о наличии обстоятельств непреодолимой силы из-за введения иностранными государствами запретов на поставки оборудования в Российскую Федерацию, когда было установлено, что другие контрагенты истца беспрепятственно поставляют аналогичное оборудование на российский рынок и исполняют свои контрактные обязательства своевременно и в полном объёме³⁷.

В этом контексте суды также учитывают стандарты должной заботливости и осмотрительности, принимает ли должник после введения санкций разумные меры для исполнения обязательства надлежащим образом. К таким мерам могут относиться попытки замены импортных товаров или составляющих отечественными³⁸, поиск новых исполнителей, не попадающих под введённые санкции³⁹,

направление уведомлений о просрочке исполнения обязательств ввиду наложения санкций и согласование новых планов-графиков⁴⁰.

В одном из судебных актов⁴¹ судебная коллегия обратила внимание, что запросы о поставках запасных частей направлялись только иностранным поставщикам; поиск запасных частей в Российской Федерации у отечественных поставщиков не осуществлялся. Ввиду непредставления достаточных доказательств, свидетельствующих о невозможности приобретения запасных частей у российских организаций, суд не принял довод о том, что ненадлежащее исполнение обязательства было вызвано введением санкций.

Описанные выше подходы применяются судами и при рассмотрении дел о привлечении к административной ответственности⁴².

7.2. Экономические санкции и существенное изменение обстоятельств

В случае если нарушитель обязательства ссылается на введение экономических санкций как на факт, свидетельствующий о существенном изменении обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, ему следует доказать исключительность и объективную непредвидимость данного изменения, что является достаточно сложной задачей.

Наиболее иллюстративным в данной категории является дело А39-5782/2015, рассмотренное Верховным Судом России⁴³. В этом деле Банк ВТБ обратился в Арбитражный суд Республики Мордовия с иском к индивидуальному предпринимателю Бикмаевой Л. Ш. о расторжении договора от 20 января 2006 года аренды нежилого помещения. Существенно изменившимися обстоятельствами, послужившими основанием для предъявления требования к Бикмаевой Л. Ш. о

³⁷ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 марта 2017 года № 09АП-5394/2017 по делу № А40-129109/16.

³⁸ См.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 3 июля 2018 года № 10АП-8994/2018 по делу № А41-73316/17; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 августа 2016 года № Ф03-3172/2016 по делу № А51-4622/2016.

³⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 февраля 2018 года № Ф05-21409/2017 по делу № А40-39224/2017.

⁴⁰ См.: Решение Советского районного суда города Казани № 12-1881/2017 от 20 ноября 2017 года по делу № 12-1881/2017.

⁴¹ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 августа 2016 года № Ф03-3172/2016 по делу № А51-4622/2016.

⁴² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 апреля 2018 года № Ф05-3172/2018 по делу № А40-32123/2017-2-237.

⁴³ Определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015.

досрочном расторжении договора аренды, по мнению Банка, являлось введение против него внешнеэкономических санкций (Банк был включён в санкционные списки Министерства финансов США, Канады и стран ЕС), что повлекло рост ключевой ставки Центрального банка, сокращение рынка заимствований, уменьшение чистой прибыли, в связи с чем для уменьшения размера расходов Банк вынужден ликвидировать структурные подразделения на территории России и за её пределами. Однако Верховный Суд России не признал данные обстоятельства исключительными, так как отношения между сторонами договора возникли при осуществлении предпринимательской деятельности, при этом Банк являлся профессиональным участником рынка финансовых услуг и не мог не учитывать риски при заключении спорного договора аренды; изменение международной, экономической и политической ситуации, как указала высшая судебная инстанция, не может влиять на правоотношения сторон в рамках заключённого договора, а риск негативных последствий для Банка в результате санкций не может быть возложен на арендодателя.

Схожим образом складывается судебная практика судов общей юрисдикции по искам об изменении условий кредитных договоров, заключённых в валюте. Суды отказываются признавать существенным изменением обстоятельств в правоотношениях между банками-заёмщиками, в частности, повышение курса доллара США относительно российского рубля ввиду финансового кризиса, резкое снижение цен на нефть, усиление экономических санкций со стороны стран Евросоюза и США, эскалацию конфликта на Украине в 2014 году⁴⁴. Стоит отметить, что суды, в целом, полагают, что изменение конъюнктуры рынка, падение стоимости рубля и снижение уровня доходов относятся к риску, который несёт заёмщик при заключении кредитного договора, и отказывают в изменении условий кредитных договоров, заключённых в иностранной валюте⁴⁵. В то же время государ-

ство предпринимает меры по урегулированию проблемы, связанной с влиянием резкого повышения курса доллара на физических лиц — заёмщиков⁴⁶.

8. Некоторые выводы

По результатам рассмотрения практики российских судов, связанной с оценкой различных правовых аспектов действия и влияния экономических санкций на частные отношения, можно сформулировать некоторые выводы, касающиеся формирующихся подходов в российской правовой системе. Во-первых, судебную практику в контексте экономических санкций можно рассматривать как продолжение общей государственной политики, направленной на непризнание и отрицание легитимности западных санкций против России. Это выражается в квалификации экономических санкций российскими судами в качестве незаконных и лишённых международно-правовых оснований, блокировании действия санкционных норм на территории Российской Федерации через категорию публичного порядка, а также в признании следования режиму санкций со стороны компаний частных лиц недобросовестным поведением. Во-вторых, мы также видим, что суды в ряде случаев стараются смягчить негативный эффект от действия императивных предписаний, ограничивающих торговлю и инвестиции, для российского и иностранного бизнеса в отечественной юрисдикции. Судебная практика находится в поиске сбалансированных подходов применительно к ответственности за соблюдение иностранных санкций частными лицами, достаточно нейтрально относится к положениям в контрактах, направленным на

2015~М-4618/2015 М-4618/2015 от 5 августа 2015 года; Решение Нагатинского суда города Москвы от 12 мая 2016 года по делу № 2-6522/16; Определение Московского городского суда от 10 сентября 2015 года по делу № 33-32855/2015; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 июля 2015 года № 33-10805/2015 по делу № 2-1171/2015; Определение Московского городского суда от 28 октября 2015 года по делу № 33-39695/2015; Определение Смоленского областного суда от 18 августа 2015 года по делу № 33-2753/2015

⁴⁴ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 8 октября 2015 года по делу № 33-37400/2015; Апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2015 года по делу № 33-28316/2015.

⁴⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ № 18-КГ16-102 от 13 сентября 2016 года; Решение Октябрьского районного суда города Екатеринбурга по делу № 2-5394/2015 2-5394/

⁴⁶ См.: Письмо Центрального банка РФ от 23 января 2015 года № 01-41-2/423 «О реструктуризации ипотечных жилищных ссуд в иностранной валюте»; Постановление Правительства РФ от 11 августа 2017 года № 961 «О дальнейшей реализации программы помощи отдельным категориям заёмщиков по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшихся в сложной финансовой ситуации».

предупреждение коллизий, вызванных экономическими санкциями (антисанкционным оговоркам), а также в целом придерживается справедливых правовых решений в ситуациях, когда невыполнение контрактных и иных обязательств было вызвано санкционными ограничениями, разграничивая вопросы предпринимательского риска и влияния объективных обстоятельств на поведение частных лиц.

Библиографическое описание:

Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие*. 2018. № 4 (28). С. 126–139.

Russian judges on economic sanctions: balancing between protecting the national public order and business interests

Vladislav Starzhenetskiy

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: vstarzhenetskiy@hse.ru).

Valeria Butyrina

Research Intern, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: vabutyryna@edu.hse.ru).

Iuliia Dragunova

Graduate student, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: yuvdragunova@edu.hse.ru).

Abstract

In this article, the authors analyze emerging approaches of Russian courts (the Constitutional Court of the Russian Federation, commercial courts, and courts of general jurisdiction) for resolving disputes connected with economic sanctions imposed against Russia in 2014, as well as the legal qualification of relevant legal issues. The Russian courts take a clear stand that these economic sanctions are unlawful from the standpoint of international law. For this reason, the effect of foreign regulations and the relevant provisions of commercial contracts aimed at enforcing restrictions imposed by sanctions is being blocked in Russia on the basis of protecting the national public order. In this context, Russian case law is consistent with Russia's gen-

eral state policy aimed at denying the legitimacy of unilateral coercive measures, which are introduced without the authorization of the UN Security Council and are considered to be unfriendly actions by foreign states that threaten Russia's sovereignty. At the same time, Russian courts try to mitigate the negative legal consequences of sanctions for Russian and foreign businesses in domestic jurisdiction. There is sufficient evidence to support the assumption that Russian courts try to use balanced approaches in relation to the legal responsibility for compliance with foreign sanctions by private individuals. Courts are rather neutral to contract provisions that are aimed at preventing conflicts caused by economic sanctions (sanction clauses), and also generally adhere to fair solutions in cases of non-performance of obligations caused by the prescriptions of sanctions. Courts distinguish the failure to perform obligations based on objective circumstances (force majeure, fundamental change of circumstances, and sanction clauses) and non-compliance with contractual and other duties for the reason of failure to act diligently or standard business risks.

Keywords

economic sanctions; counter-sanctions; force majeure; fundamental change of circumstances; sanction clauses; public order.

Citation

Starzhenetskiy V., Butyrina V., Dragunova I. (2018) *Ekonomicheskie sanktsii glazami rossiyskikh sudey: mezhdunarodnoye pravosudie* [Russian judges on economic sanctions: balancing between protecting national public order and business interests]. *Mezhdunarodnoye pravosudie*, vol. 8, no. 4, pp. 126–139. (In Russian).

References

- Bakhin S.V., Eryomenko I.Yu. (2017) Odnostoronnie ekonomicheskie "sanktsii" i mezhdunarodnoye pravo [Unilateral economic "sanctions" and international law]. *Zakon*, no. 11, pp. 162–175. (In Russian).
- Caytas J. (2017) Sanctions, Real and Imaginary: Experiences with Russia in the Ukraine Crisis. *Amsterdam Law Forum*, vol. 9, no. 2, pp. 26–47.
- Georgi K. C., Lalonde P. M. (eds.) (2013) *Handbook of Export Controls and Economic Sanctions*, Chicago, IL: ABA Section of International Law.
- Glandin S.V., Doraev M. G. (eds.) (2018) *Ekonomicheskie sanktsii protiv Rossii: pravovye vyzovy i perspektivy* [Economic sanctions against Russia: legal challenges and perspectives], Moscow: Infotropic Media. (In Russian).
- Lin T. C. W. (2016) Financial Weapons of War. *Minnesota Law Review*, vol. 100, no. 4, pp. 1377–1440.
- Savel'ev A. I. (2015) Odnostoronnie ekonomicheskie sanktsii SShA: vzglyad so storony amerikanskogo i rossiyskogo prava [Unilateral US economic sanctions: view from the perspective of American and Russian law]. *Zakon*, no. 5, pp. 108–131. (In Russian).